

Книги Алексея Федоровича Лосева известны читающей публике Осетии, их можно найти в библиотеках города Владикавказа. Определенную роль в освоении его наследия играет Северо-Осетинский университет; на Лосева ссылаются в курсах всеобщей литературы и стилистики, теории литературы и истории философии. В рамках Дня славянской письменности на филфаке СОГУ был проведен вечер памяти А.Ф.Лосева. Наши студенты конспектируют его “Двенадцать тезисов об античной культуре” и изучают его книгу о символе. В октябре 1998 г автор этих строк и студентка 3-го курса филфака, А.Зима выступили с докладами на Международной конференции памяти Лосева, проходившей под эгидой ЮНЕСКО в Московском государственном университете. В 1998 г. увидела свет монография “Эстетика природы”, весьма актуальная по своей проблематике, хотя мы совместно с Алексеем Федоровичем работали над ней еще двадцать пять лет назад.¹

Все эти факты никого не удивляют сейчас, когда имя Лосева как последнего философа “серебряного века”, создателя многотомной “Античной эстетики” и сотен трудов по лингвистике и литературоведению, математике и логике, музыке и психологии входит во все русские и зарубежные энциклопедии, когда его работы переводятся на немецкий, испанский и английские языки, когда столичное издательство “Мысль” совместно с культурно-просветительским обществом “Лосевские беседы” издает новое собрание его сочинений.

Но можно вспомнить и о тех временах, когда Лосев был в опале, когда его небольшую книжечку о Владимире Соловьеве с трудом удалось издать в 1983 году в серии “Мыслители прошлого”, преодолев препятствия брежневской цензуры. Судьба этой книги была драматична, как и судьба многих ранних книг Лосева. Ее специально не продавали ни в Москве, ни в Ленинграде, весь тираж намеренно заслали в далекую глубинку, но и тогда поклонники таланта Лосева из Северной Осетии приобретали эту книгу десятками экземпляров в магазинах Дигоры, Чиколы, Чермена не только для себя, но и чтобы подарить их автору, который сам был лишен возможности купить ее в столице.

Во второй половине 90-х годов популярность А.Ф.Лосева в Северной Осетии еще возросла. Об этом свидетельствуют публикация его стихов в журнале “Мах дуг” в 1994 г.: интерес осетинской общественности к книге А.А.Тахо-Годи “Лосев”, вышедшей в 1997 г. в серии “Жизнь замечательных людей” (в издательстве “Молодая Гвардия” совместно со “Студенческим меридианом”); организованная в сентябре того же года журналистом Петром Хозиевым телепередача о Лосеве, показанная телерадиокомпанией “Алания”; статья о Лосева в сборнике научных трудов СОГУ за 1997 год. Все это говорит о тесных связях жизни и идей Лосева с

¹ А.Ф.Лосев, М.А.Тахо-Годи. Эстетика природы. Природа и ее стилевые функции у Р.Роллана. Киев: Коллегиум, 1998, 240 с.

нашим краем, об обоюдной любви Лосева к Кавказу и Кавказа к Лосеву.

А.Ф. Лосев родился на юге России в 1893 г., на Дону, в Новочеркасске, учился в местной гимназии, и однажды на летних каникулах со своим классом впервые увидел горы Кавказа. Позже Лосев путешествовал по Кавказу со своей первой женой Валентиной Михайловной в 1936 году, а в пятидесятых годах неоднократно приезжал отдыхать в наш город в дом профессора Леонида Петровича Семенова, который приходился дядей второй жене Лосева - Азе Алибековне Тахо-Годи.

Прекрасная память Лосева бережно хранила дорогие воспоминания о Кавказе: названия всех гор, перевалов, селений, где удалось побывать; впечатления и от Военно-Грузинской дороги, и от тех горных троп, по которым прошел пешком.

В 60-70-е годы А.Ф.Лосев активно печатал научные труды по различным областям знаний, но свои художественные опыты берег в ящиках письменного стола - так же, как свято берег в тайниках своей души поэтический образ божественных красот кавказской природы. Все художественные произведения Лосева остались в рукописях и были опубликованы только после его смерти: сначала в Санкт-Петербурге в 1993 г. сборник прозы под названием “Жизнь”, потом в 1997 г. в Москве “Дневники, письма, проза”; в те же годы напечатаны роман “Женщина-мыслитель” и рассказы в журналах “Москва”, “Дружба народов”, “Октябрь” и др.

Стихи о Кавказе имеют свою любопытную историю выхода в свет. Их вслед за прозой Лосева хотел издать Петербург, но волею судьбы они оказались напечатанными на Кавказе, а именно, в нашем городе. Произошло это так. Моя дочь Елена, которая окончила филфак СОГУ и аспирантуру МГУ, приехав на летние каникулы в наш город, привезла с собой машинописную копию стихов Лосева о Кавказе. О существовании этого стихотворного цикла узнали Замира Суменова и Вилен Уарзиати, а через них - мой бывший студент, а ныне редактор журнала “Мах дуг” поэт Ахсар Кодзати. Он стал настойчиво просить права публикации этих стихов и, в конце концов, они были напечатаны с маленьким предисловием Елены Тахо-Годи.²

Но здесь хотелось бы приоткрыть еще одну, очень немногим людям известную, страницу истории, связанной с публикацией стихов Лосева. Дело в том, что публикация была обещана американскому “Новому журналу”. Об этом журнале наш читатель может узнать из статьи петербургского автора Т.И.Максимычевой “Американский Новый журнал о жизни и творчестве А.Ф.Лосева”.³ В этой очень содержательной статье тщательно анализируются все публикации крупнейшего русского эмигрантского издания, “Нового Журнала”, посвященные Лосеву.⁴

² См. журнал “Мах дуг”, N 11, 1994, с. 83-94.

³ Журналистика на пороге XXI века: исторический опыт современного развития. Выпуск II. Сборник научных трудов под ред. академика А.М. Магомедова. - Владикавказ, 1997, с.165-178.

⁴ К сожалению, 64 сноски научного аппарата, данные на страницах этой статьи, в сборнике пропущены. От этого статья многое теряет, тем более, что она явно

Есть ссылка на то, что в одном из последних номеров “публикуются стихи философа”.⁵ Говорится также, что с 1986 года главным редактором журнала стал Ю.Д. Кашкаров, который способствовал сближению литературы современной России и русского зарубежья. Для меня, лично знавшей Кашкарова, эти два упоминания тесно связаны между собой.

Я познакомилась с Юрием Даниловичем Кашкаровым в Москве в начале семидесятых годов, когда он работал редактором издательства “Искусство”. Под редакцией Ю.Д.Кашкарова успели увидеть свет три первых тома “Истории античной эстетики” Лосева и его широко известная книга “Проблема символа и реалистическое искусство” (1976). Юра, или Данилыч, как его звали в доме Лосева на старом Арбате, был преданным поклонником философа и ревностным помощником в осуществлении его грандиозных научных замыслов.

Юрий Данилович не любил беспокойную жизнь большого города. Он предпочитал жить на старой бабушкиной даче в подмосковной Сходне и приезжал в издательство раза два в неделю, чтобы забрать очередную порцию работы. Очень добрый, он постоянно опекал каких-то старушек - знакомых или родственниц, живших в арбатских переулках, и каждый раз, пользуясь случаем, забегал проведать своего автора; Лосева он любил нежно и искренне. Худощавый, слегка сутулый, всегда несколько ушедший в себя, Юра, тем не менее, тонко чувствовал собеседника и хорошо разбирался в людях. Скромный, застенчивый, однако при этом ироничный и совершенно нестандартно мыслящий, Юра очень быстро стал своим, хотя мы были с ним не так давно знакомы. Может быть, нас сблизило и то, что он сразу же радостно объявил, что родился в городе Орджоникидзе. Правда, он жил там совсем недолго, ребенком, во время войны (мать его работала там в детском доме). Он смутно помнил это раннее детство, всегда расспрашивал о нашем городе и стремился побывать в нем хотя бы проездом.

Не помню точно, в каком году - 1974 или 1975, а, возможно, это было поздним летом 1976 года, он вдруг приехал в Орджоникидзе, позвонил из гостиницы, где остановился, так как никого не хотел стеснять, - всего на два дня. Вечером пришел к нам, мы ужинали вчетвером: наш гость, моя мама Нина Петровна, я и моя маленькая дочка Леночка. Станный это был визит, совершенно неожиданный, ни меня, ни моих московских родных Юрий Данилович ни о чем не предупредил, о цели приезда не говорил. Выяснилось позднее, что приезжал он специально, чтобы попрощаться с родным городом, последний раз пройти по его улицам, но не решился нам об этом сказать. В декабре 1976 года он уехал за рубеж - тогда казалось, что больше мы его никогда не увидим...

Ю.Д.Кашкаров не был диссидентом, не занимался политикой, но он чувствовал в себе способность не только редактировать чужие книги, но и писать самому. А писать он мечтал свободно, не по указке. Он ощущал себя одиноким и готовым к переменам. Любимая бабушка, воспитавшая его в религиозном

духе, умерла. Вырос он без отца, отношения с матерью были сложными, а в США у него жили родственницы, бабушкины сестры, и он добился разрешения на выезд. Многие ему пришлось пережить за границей: и бытовую неустроенность, и непрестижную работу и, главное, мучительную тоску по родине. Были минуты, когда он просто рвался назад, даже однажды приехал из Нью-Йорка в Вену, ближе к границе Союза, но возвращение было уже невозможно. Спасла его встреча с соотечественниками в далекой Америке, знакомство с Романом Гулем, главой “Нового Журнала”, работа в этом журнале, осуществление давних творческих замыслов, “Бунинская простота”⁶, “кузминская ясность”⁷ - так оценила критика его стиль, и не преувеличила.⁸ “Стилистика и словарь этой книги, - писал Д.Шраер-Петров, - вобрали в себя формальные приемы, восходящие к древнерусским писаниям. В то же время этой книге служит камертоном самая современная проза (Гессе, Пруст, Набоков, Битов)”⁹. Кашкаров недаром учился на филфаке МГУ и занимался там в семинаре профессора Н.К. Гудзия, создателя классического учебника по древнерусской литературе. Став писателем, он не терпел театральности и позы, он любил строгое слово. Его проза оригинальна “без затей”, искренна, психологична и душевно тонка, как сам ее автор.

Повороты истории сделали “невозможное возможным”. В 1991 г. Ю.Д. Кашкаров провел в Москве презентацию своего журнала, а в 1993 году вновь приехал в Россию на празднование столетия А.Ф.Лосева, которого, к сожалению, уже не застал в живых (Лосев умер в 1988 году). На лосевских торжествах мы виделись с Юрой несколько раз: в МГУ, где проходила научная конференция под эгидой ЮНЕСКО, где мы беседовали с ним и его старым дядей - замечательным знатоком древнерусского искусства Георгием Карловичем Вагнером¹⁰ в доме на Арбате; на панихиде по Лосеву в храме Преподобного Сергия Радонежского в Крапивниках. Сохранились две фотографии, сделанные тогда Ю.Д.Кашкаровым. Одна, где мы с сестрой и дочерью сидим на старом диване в лосевском кабинете, другая - на холодной осенней Петровке стоим втроем, закутанные от ветра: я, Лена и Александр Викторович Михайлов, замечательный филолог и искусствовед, бессменный редактор издававшегося Институтом мировой литературы Академии наук интереснейшего сборника “Контекст”, верный поклонник Лосева и большой друг Кашкарова. Оба они, и Юрий Данилович, и Александр Викторович, через год ушли друг за другом,

⁶ Памяти Юрия Кашкарова. - Литературная газета, 21 декабря 1994.

⁷ Новый Журнал, N 195, 1994, с.17.

⁸ Смерть не позволила Ю.Д.Кашкарову закончить большой многоплановый роман “East West” (“Восток-Запад”), который он начал печатать в своем журнале. Единственная книга, изданная Ю.Д. Кашкаровым за рубежом, в Нью-Йорке - “Словеса царей и дней. Повести и рассказы” (1991), сделала ему имя.

⁹ Новый журнал, N 195, 994, с.9.

¹⁰ Г.К.Вагнер, известный искусствовед, автор многих книг по архитектуре и живописи древней Руси. Он прямой потомок композитора Р. Вагнера, но родной его город - Рязань, где после его смерти в его честь названа улица и организуется музей.

была задумана как подробный библиографический обзор.

⁵ Там же, с.177.

сраженные неизлечимой болезнью. Рассказывают, что когда Ю.Д. Кашкаров, у которого оказался рак легких, понял, что дни его сочтены, он потребовал купить ему билет на самолет, так как хотел умереть на родине. Его привезли в аэропорт в инвалидном кресле. В нем он и скончался, не дождавшись оформления документов - по дороге в Россию. Юре было всего 54 года.

При последней встрече Ю.Д. Кашкаров подарил мне на прощание ту свою книгу, о которой я уже упоминала, вышедшую в Нью-Йорке на русском языке в 1991 году - "Словеса царей и дней. Повести и рассказы" с таким посвящением: "Дорогой Мине Алибековне от старого знакомого и земляка с любовью - в надежде славы и добра. Ю. Кашкаров. 28.X.93, Москва". В этот сборник включен очень нравившийся мне глубоким психологизмом рассказ "Касимов", который был также опубликован в журнале "Москва". Вошел в него и замечательный очерк о путешествии Ю.Д.Кашкарова на Афон - прозрачная проза, проникнутая искренним религиозным чувством.

Тогда же Ю.Д.Кашкаров подарил мне ксерокопию своей статьи за подписью Д.Скалон, опубликованной к 90-летию А.Ф.Лосева в "Новом Журнале", N 150 за 1983 г. (с.2820292). Любопытно, что Т.И. Максимычева в указанный выше работе специально выделила именно эту статью как самую серьезную и богатую материалами о Лосеве, но она не могла знать, что Д.Скалон и Ю.Кашкаров - одно и то же лицо. Д.Скалон - псевдоним Кашкарова. На подаренном мне экземпляре статьи Юрий Данилович написал по-английски своей рукой литературный псевдоним, которым нередко пользовался - George Kashkarov - Skalon.

Своей статьей 1983 года Ю.Д.Кашкаров хотел послать привет Лосеву, принести в дар учителю и другу, который тогда еще был жив, свою любовь и глубокое понимание его мыслей. Когда же десять лет спустя, приехав в Москву, Ю.Кашкаров узнал, что Лосев был не только ученым, но и поэтом, он захотел обязательно напечатать его стихи в своем журнале. В принятую им для журнала подборку стихотворений Лосева входит два цикла, написанные в суровые военные годы (1942-1943) с приложением статьи Е.Тахо-Годи, в которой дается художественный анализ этих циклов. Этот материал вышел в свет в "Новом Журнале" N196 за 1995 г., увы, уже после смерти главного редактора Ю.Д. Кашкарова, памяти которого был посвящен предыдущий 195-й номер.

Журнал "Дарьял" полностью приводит ниже всю подборку из "Нового Журнала", все эти страницы, которые столькими нитями связаны с жизнью нашего горного края.

КОЙШАУРСКАЯ ДОЛИНА

Грехопаденья злой набат,
В туманах зол страстные очи
И леденящий мира глад
В грехах седой вселенской Ночи

Являют зрящей грезе лик
Верховных таинств мироздания:

Сего рушенья зрак велик
И солнцезрачен огонь рыдания;

Сих злоб полетных дыба круч
Взвихрит истомно глубь свидений;
Громоразрывен и могуч
Сей омрак горних риновений.

Но лава понятийных бед
Зеленой тишью зацветает,
И водопадных слав завет
Рекою мирной сребрно тает.

Пасутся мирные стада
В долине тихой, благодатной,
И мягко стелятся года
Счастливой жизни, беззакатной.

Ты спросишь, тайно осяян,
Зовомый гулом откровений,
Под Млетским спуском обуян
Бытийных заревом томлений:

Не заново ль вся красота,
Горений девственных первина?
Не заново ль твоя мечта,
О, Кайшаурская долина?

КЛУХОРСКИЙ ПЕРЕВАЛ

Стезя над бледностью морен
Зовет на этот склеп вселенной.
Шагаю по снегу, и - тлен
Впиваю смерти сокровенной.

Застыл пучинный вихрь миров,
Одетый в схиму усыпления,
Приявший сумеречный зов
Седых вериг самозабвенья.

Развалин мира вечный сон
И усыпленная прозрачность,
Снеговершинных жертв амвон
Ткут здесь опаловую мрачность.

Бесславен, мним здесь солнца свет,
Утесов тут бесстрастны ковы,
Ледник здесь в призрачность одет
И пропастей безмолвны зовы.

И в талом озере покой,
Над бирюзою волн прохладно,
И льдинки с снежной синевою
Плывут неслышно, безотрадно.

И шепчет хладная эмаль
Во сне, в киоте бледно-снежном
Ученье тайное и даль
Умерших весен в утре нежном.

Ум льдиной стал, душа немеет,
И дух кристаллится до дна,
И тонкий хлад беззвучно реет,
И тишина, и тишина...

ЗЕКАРСКИЙ ПЕРЕВАЛ

В безднах сине-голубых
Злато солнце брызжет слезно
И в опалово-пустых
Небесах томится грезно.

В синь зарыться хочет ум,
В синеве безбрежной скрыться.
В голубых хрусталях дум
Сердце ищет отрезвится.

Здесь распалось бытие,
Даль разымчивая зрится:
Тело Вечности сине
Если в даль от Света мчится.

Но алеет синева,
Следу дня предвозвещающая:
Так и Вечность исперва
Заалела, к Свету тая.

Путь - в зеленых кружевах,
Золотисто-изумрудный.
В первозданных бытиях
Был такой восход нетрудный.

Зелень рая на земле
В снах Зекари взвивно млеет,
Цвет зеленый - в Вечной Мгле,
Что вокруг Света юно реет.

В легких, рыжих небесах
Новозданного эфира
О, отри слезу в очах,
Зелень, Синь и Алость мира!

КАЗБЕК

Вершины снежной взлет крутой,
И розоватый, и огнистый,
На синеве торжеств немой
Почил в надвременности мглистой.

Рыданий хаоса дитя,
Премирных мук изнеможенье,
Ты, в грезах нежность обретя,
Царишь, как Божие веленье.

В лазури чистой ало, нежно,
Под солнца звон колоколов,
В тебе ликует белоснежно
И всепобедно Мать миров.

ТЕРЕК В ДАРЬЯЛЕ

В пустыне мира, тьме несущей
Рыдает Терек, пьян и скор,
Пыланий рдяных, бездны жгущей
Булатом скованный затвор.

И глыбы космоса над ним
Висят чернеющим распятым,

И он бездомно одержим
Вселенской плоти язв заклатьем.

О, трудных снов и бунт, и дурь,
И пыл, и скука, и тревога,
О, ты, Дарьял, теснина бурь,
В хмельном раздранье риза Бога.

КАСАРСКОЕ УЩЕЛЬЕ

Творенья первый светлый день
Не тмит в душе былых воззваний,
Лилово-розовую тень
Домировых воспоминаний.

Алканья гроз страстных кинжал,
Раздравший Душу мироздания,
Бытийных туч пожар взорвал
Ущелью этому в закланье.

То сумасшедший Демиург,
Яряся в безднах агонии,
Взметнул миры, хмельной Теург,
Богоявленной истерии.

У СНЕГОВ ЭЛЬБРУСА

И Тегенекли, и Терскол
Поникли в сумраке долины:
Двугорбый кличет нас Престол
На поклоненье из низины.

Тропою узкой и крутой
Над темно-бронзовой мглою
Манит твой сумрачный покой,
Эльбрус, во сретенье с тобою.

Растет бездонная тоска
Ущелья, никнущего слева,
Чем больше ризница близка
Скитов растерзанного гнева.

Гудит пустая муть очей
Коричнево-глубинной дали,
Растущих бездн и пропастей
Сверкают черные скрижали.

И страсть, и хлад, и тошнота,
И взмыв, и ник, и иступленье,
И дрожь, и счастье, и мечта
И в голове и звон, и мленье -

Обуревают хищно дух,
Для жертв зовя испепелиться,
Лишь ты налево взглянешь вдруг,
Страшись, всходя, не оступиться.

Но что направо? Взлет и взмыв,
Оцепеневший от неволи.
Немотно-злобствующий срыв
Юно-весенне-зрящей боли.

В немую синь и в пурпур жил
Бледно-оранжевых раздраний

Здесь Бог когда-то претворил
Лазурность трепетных взываний.

Но взглянь еще налево, - вдаль, -
Где за ущельем высь вихрится,
Где бледно-струйная печаль
И серебро-дымно краж змеится.

Здесь сам Кавказских гор хребет
Темно свинцовой вьется мглой,
В недвижность судорог одет
И злобно-синей полон тьмою.

Здесь светло-темных бурь излом
Окоченел в смарагдных корчах,
И дымно-гневный небосклон
Взволнован в тускло-буйных клочьях.

Здесь крутобоких пик мятеж,
Златисто-блеклые вершины,
Седых хребтов немой кортеж
Бездумно-серебряные льдины.

Здесь траур мировых держав,
Вселенских пасмурность курганов,
И космы гневно-черных глав
Туманно-буйных истуканов.

Здесь мстящих туч застывший гром
И столп вселикого проклятья.
Здесь снеговой бурелом
И лед премирного заклатья.

Здесь сумереки алых бурь
Рыдают в палевых туманах,
Массивных судорог лазурь
Грустит извивно в горных станах.

Здесь люто-стремь бытийных волн
Лилово-черной непогоды,
И яро-движью космос полн
Во страстнотерпной мгле свободы.

Но вот и Эльбрус засиял
На повороте дебри тенной
И серебристо засверкал
Во мгле беззвучной и нетленной.

Пустынных слав и звон, и рев,
Суровоокое сиянье
И перламутровый покров,
Заткавший синее зиянье,

И торжество сапфирных льдов,
Веселье царственных лазурей
Под солнцем беловойный зов,
Венец лилово-дымных хмурей.

И огненосный сонм побед
В эмально-жертвенных чертогах,
В разрыве бурь немой обет
На солнце-лиственных дорогах, -

О, здесь торжественный покой
Всемирственного благородства,
Самодавленья мощь и строй

И жребий в небе первородства!

Не мни, однако, путник мой,
Наивных грез о, друг привычный,
Перевести Эльбрус святой
На свой язык, для всех обычных.

Сей проблеск сущных бездн - угрюм
И лют, и дик, и бесполезен,
В голубизне массивных дум
И всемогущ, и всеблаженен.

Сей недр существенных разрыв
Восстал наивно и бездушно,
Как светлых душ и казнь, и взрыв,
Испепеленных равнодушно.

Сей отсвет жертвенных глубин,
Пустынно-меркнувших печалей,
Сей необорный исполин
Загубленно-тревожных далей,

Сей перламутр, сапфир, лазурь,
Эмаль, лиловость, беловейность.
И льдистый бред, и омут бурь,
И парчевая ало-снежность, -

О, все взвилось тут в ночь невзгод
Из плоти трепетных созданий,
Замерзшей в девственный сугроб
Среди эфирных злых лобзаний.

Пухово-бархатных снегов,
Суровых светов грусть немая
Сверлит о гибели веков
И об изгнании из рая.

Здесь кто-то жребий мук приял,
И слышен чей-то стон унылый.
Здесь кто-то плакал и рыдал
И проклинал перед могилой.

Очей тут мнится муть и хлад,
Оргийно издавна сверкавший, -
Горгоны исступленный взгляд,
Всех в камень древле претворявший.

Но - нет, теперь уж никого,
О стародавнем все забыто.
И - только хладное серебро
Очам испуганным открыто.

Сияет пурпур на заре
Пустынно-льдистого титана.
Мрачатся бурями во мгле
При выюге очи истукана...

И простота, и юность лет,
Гостеприимная прозрачность,
И светлый, радостный привет,
И примирившаяся ясность...

И торжество, и гул побед,
И мягко-мудрые седины,
И мощь, и снеговертый свет
В лазури солнечной пучины...

Эльбрус - незлобив и любим,
Наивен, мил и беспорочен,
Общедоступен, изучим,
Ничем земным неозабочен...

Вот, вот - Эльбрус святой,
Он, тайна плоти изнемогшей
И слав нетленных глубиной
Немых печалей слово родшей.

ЗИМНЯЯ ДАЧА В КРАТОВЕ

Лиловых сумерек мигрень,
Снегов пустующие очи,
Печалей мглистая сирень
И бесполезность зимней ночи;

Сверло невыплаканных слез
Жужжащих мертвенность туманов
И клочья вздыбленные грез
Безрадостных оскал дурманов;

Трескучей жизни мертвый сон,
Бессонных фильмы сновидений
И почерневший небосклон
Ума расстрелянных радений, -

Здесь тускло все погребено,
Гниет послушно и смиренно,
И снегом все замечено
Для мира тлеет прикровенно.

И дачка спит под синей мглой,
Под тяжко-думными снегами,
Как бы могилка под сосной,
Людьми забытая с годами.

Уютно зимним вечерком
Смотреть на милую избушку.
На живописный бурелом,
На сосны леса, на опушку.

Картинку эдакую нам
Давали в детстве с букварями...
Вот почему на радость вам
И тут всплыл домик под снегами.

ВЕСНА В КРАТОВЕ

Туманов жиденький простор,
Дождей слезливая шарманка,
Снегов дряхлеющий задор
И бурь пустая лихоманка,

Чухотка солнца и тепла,
Бездарной спеси туч тенета
И слабоумие гнилья,
И злость сопливая болота:

О, импотентная весна,
Ты, вывих мысли неудачной,
Как бесталанно ты скучна,
Как вялый вздор ты мямлишь мрачно!

ПОСТНИК

Твой мрак тревожный и пустой
В обрывах тайн седых печалей
Испепеленною душой
Во сне твоих глубинных далей
Бесславно зришь ты. И глухой
Скалистых круч распятий духа
Безмолвный рев и тайный вой
Когтит твою раздранность слуха.
Но здесь, в пустыне, глад и стон,
Духовный пост изнеможений,
Задушенных вселенных сон
И трудный сон уединений
Являют постнику закон -
Прильнувши страстно-вещим ухом
Артерий мира чуют звон,
Рыданье мира чуют духом.
Рыданье огненных валов
На море тайн светоявленных
Ярит душе набатный зов
Безмолвий сладострастно-бденных.
Под черной твердью вечных дум
Прибой томится желтой пылью,
Ложесн вселенских страстный шум
Взвывая девственною былью.

СТРАННИЦА

Тягостный путь по скалам и камням утомил тебя.
Слабые ноги дрожат и болят изнуренные.
Волосы сбилися, смялся наряд путешественный.
Ликом бледным поникла, от тяжести сгорбилась.

Тельце твое исхудало, родная, истаяло.
Сердцу не в мочь бремена. Твоя грудка измучилась.
Пошу видений своих сберегла ты нетронутую.
Подвиг суровый в пустыне веков твои странствия.

Страница милая! Кончен твой путь
многобедственный.
В хижину эту войди и приляг безбоязненно.
Вот изголовье. Укрою тебе я усталые
Ножки. Напиток бодрящий испей. Настрадались ты.

Радость моя! Тот кров мой убогий твоим будет.
Ласковы очи твои и печальны, и знающи.
В них мою вечную родину зрю. О, родная ты,
О, бедная ты и несмелая, незащищенная!

В сизых туманах предсуществованья ты виделась,
Скорбная, хрупкая, с телом худым и истонченным.
Очи, родная, твои узнаю, истомленные, -
Тающих радостей ток твоего лицемерия.

Верная ты и единая, мать благодатная,
Ты и невеста моя и дочурка любимая.
Благослови своего ты сынишку заблудшего.
В лоно веков прими, на свиданье пришедшая.

КУКУШКА

Пускай поэты воспевают
Звонкоголосых соловьев,
Что в мае трелями сверкают
В ночной душистости садов.
Иные жаворонков любят
За то, что тою же весной
Они мечты напевно будят
В лазури тонущей гурьбой.
Есть ласточек апологеты.
Есть воспеватели орлов,
Несущих гордые заветы
Победоносно-мощных слов.
Но для меня милей кукушки
Не существует ничего, -
Моей тоскующей подружки
Со мною вместе заодно.
Бездомны оба мы, унылы:
Нам не до песен, не до роз.
Весельчакам всегда постылы,
Мы жалим скукой хуже ос.
Нам одинокого рыдания
В углах отверженной тюрьмы
Знакомы жесткие лобзанья
И перезвон душевной тьмы.
Грустит с наивной простотою
Широкошумно вешний пир:
Едва заметною тоскою
Для нас весной пронизан мир,
Жизнь не была тебе укором,
Любви ты обошел тоску,
Ты не валялся под забором:
Ты не поймешь “ку-ку, ку-ку”.

ТРЕВОГА

Тайно ум шумит как лес
Тревогой тонкой.
Жизнь тревожна мглой чудес
Рыдально-звонкой.

Пустотой взмывают дух
Тревог качели.
Лик судеб тревогой вспух,
Что в тьме яснили.

Сердце взвихрила пустых
Тревог туманность.
Льдом тревоги сине-злых
Миров раздранность.

Ждет с тревогой стар и млад
Времен грядущих.
Полн тревоги старой лад
Миров растущих.

Жизнь тревог все бубны ткут
Богоявленных.
Сам встревожен Абсолют
Судьбой вселенных.

Он и есть, на дне бытий,
Сама Тревога.

Он, бродило всех стихий, -
Сама Тревога.

* * *

Тревог предвечных шум и стон,
Туманно-алых ночь гаданий
Провозвещают перезвон
В молчанье стиснутых рыданий.

Тревогой вечно движем мир,
Гадает жизнь слепыми снами,
Раздранных ясностей кумир
Испепелен пустыми мглами.

Дурит бытийственный невроз,
Вселенский вихрь и зной борений.
Не надо дум, не надо слез,
Не надо буйств, не надо рвений.

Надежд земных немеет лира,
Зияет небо пустотой,
Распятый дух на древе мира
Висит бесплодную мечтой...

ОПРАВДАНИЕ

Очей твоих ребячий зов
И тайна ласки неисчерпной
Средь зыбей жизни страстнотерпной
Всемирных плавают зло оков.

Сует не сущих злая брань,
С твоей улыбкой изнеможной,
Лилово тает дымкой ложной,
Предвозвещающая скорби грань.

Угрюмых складок бытия
Завеса ветхая спадает.
Священно-тайно воскресает
С улыбкой молодость твоя.

Ты помнишь утро наших лет,
Бесстрастно-детское лобзанье
И молодое трепетанье,
И умозрений чистых свет.

Страстей безумно-кровяных
Была стезя нам непонятна.
Была лишь жизнь ума нам внятна,
Видений чистых и живых.

Ум не рассудок, не скелет
Сознания духа и природы.
Ум - средоточие свободы,
Сердечных таинств ясный свет.

Ум - жизни чистой кругозор
И славы луч неизреченной,
И лик любви в нас сокровенный,
Ее осмысленный узор.

Ум - тонкость светлой тишины,
Бытийнотворная нервозность,
Он - смысловая виртуозность,

Безмолвий чистой Глубины.

Ум - вечно-юная весна.
Он утро юных откровений,
Игра бессменных удивлений.
Ум не стареет никогда.

Вот ближе роковой предел,
Расплата близится немая...
Чем оправдаюсь, ожидая
Последний суд и мзды удел?

Мы были молоды всегда,
В твоих сединах вижу младость,
Очей ребячливая радость
В тебе не меркнет никогда.

Восторг все новых умозрений
Неистошимою волной
Подъемлет юность нашу в бой
За вечность юных откровений.

Неведом нам другой ответ,
Других не знаем оправданий:
Предел земных всех упований
Нетленный юности обет.

Ребенок, девочка, дитя,
И мать, и дева, и прыгунья,
И тайнозритель, и шалунья,
Благослови, Господь, тебя.

* * *

Страстных видений тайный шум
И сказку юных сновидений
Простосердечно, наобум
Ты вьешь в ажуре умозрений.

А кто же я? Из бурь глухих
Взвился мой путь немых печалей
И потонул во мглах пустых
Изнеможенно-страстных далей.

Но и в премирности ночей
Твой лик мерцал улыбкой зрящей,
В дыбе ж бессонной он моей
Животворит росой целящей.

* * *

Благословенна дружба,
Пришедшая тогда -
Таинственная служба,
Проникшая года.

Над всею жизнью внешней,
Такою, как у всех,
Горел огонь нездешний
Мучений и утех.

О том, чтоб сердце друга
Всходило в небеса.
Само того же луга
Нездешняя краса.

Чтобы не омрачалось
В стране, где зло и тлен,
К чужому не склонялось,
Не ведало измен...

Всю жизнь - на чуткой страже:
Рассветный час и синь,
Когда пролет лебяжий
Над холодом пустынь...
(умная жизнь, ее красота над жизнью холодной).

* * *

У меня были два обрученья,
Двум невестам я был женихом.
Может оба златых облаченья
Запятнал я в безумстве грехом.

Но мои обе светлых невесты
Были нежны так и хороши,
Что они обнялись и вместе
Сохранили мне правду души.

Я пришел возле них, столь же юным,
Как и был, к этой вот седине,
Что еще прикасаются к струнам,
Что еще поклоняюсь весне.

И одна мне дала в моих детях
Несказанную радость отца,
А другая - живую в столетьях
Мысль и мудрость и жизнь без конца.

Текст взят с:
http://www.darial-online.ru/1999_3/losev.shtml